



Александр
Дунаенко

Афродизиак

Рассказы
о
взрослой
любви

Александр Дунаенко

**Афродизиак. Рассказы
о взрослой любви**

«Издательские решения»

Дунаенко А.

Афродизиак. Рассказы о взрослой любви / А. Дунаенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746131-7

Книгу нужно давать молодым женщинам. Они должны понять, что мир мужчины, который может быть вполне моногамным (любить жену, быть привязанным и преданным семье, любить детей и т.п.) может вмещать и много параллельных жизней и событий. Мужчинам, понимающим и любящим Довлатова, Белова, Шукшина, чувствующим невероятную красоту фраз Набокова, есть чему удивиться, читая прозу Александра Дунаенко. А женщинам, любым женщинам, такая проза должна быть душевным бальзамом. Надежда Либерман. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-746131-7

© Дунаенко А.
© Издательские решения

Содержание

Арбуз	6
Сатисфакция	11
Муж	14
Мера любви	16
Любимая, спи	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Афродизиак

Рассказы о взрослой любви

Александръ Дунаенко

Я подумал, уже в который раз – почему-то при всей доступности любовной тематики, при всём том, что и интерес к ней всегда повышенный, никто почему-то не хочет писать о любви и делать при этом хотя бы небольшое умственное напряжение. Ведь основной инстинкт – он же не только для размножения, а и для того, чтобы мы становились лучше...

Александръ Дунаенко

© Александръ Дунаенко, 2019

ISBN 978-5-4474-6131-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Арбуз

Представьте себе картину: приятным жарким осенним вечерком вы идёте по городу. Представить я попрошу мужчину, потому что реакция на описываемое мной явление с точки зрения разных полов может быть неадекватной, если не полярной вовсе.

Итак, вы – мужчина, идёте в приятную осеннюю жару по городу и видите, как молодая леди у водоразборной колонки, приподнявши сантиметров на восемьдесят выше, чем того требуют приличия, край своей лёгкой юбки, ополаскивает в струе воды белую восхитительную ножку. Потом, без тени стеснения, продёлывает то же самое со своей второй ногой. При этом длинноволосая красотка опирается на руку весьма достойного джентльмена, который всем своим видом показывает, что присутствует при совершенно заурядном событии, и этот канкан замедленного действия его ничуть не смущает.

Представили? Нормально, да? И скажите ещё, что вам не было приятно. Так вот. Молодая леди – это была Алиска, телезвезда города Актюбинска, а галантный джентльмен – я. Мы были на речке. Купались. Загорали. Съели арбуз. Впрочем, всё по порядку.

Алиса. Алисочка (или А-лисонька?). Экстравагантная. Язвительная. Неприступная. За десять лет знакомства мы и виделись-то раз пять-шесть – не больше. Всё при обстоятельствах каких-то странных и всегда на грани того, что вот-вот, да и случится непоправимое. Но оно не случилось. И всегда из-за двух причин: во-первых, Алиску, злую, я боялся. Во-вторых, что-то всегда мешало. Наверное, рок.

Впервые мы встретились на одной вечеринке. Вовочка Горбачевский на бегу меня с Алиской познакомил, я сразу стал её бояться, а потом, в компании, вдруг и оказался ещё рядом с ней. Неприступная скала. Изваяние. Сфинкс. Раскрашенная, надменная и холодная. Длинные ноги в чёрных чулках, пристёгнутых к чёрному тонкому поясу. Пояса вроде, как атавизм, анахронизм,

колготки потеснили эту усложнённую женскую оснастку, а на ней оказалось вот такое средневековье: чёрные чулки, пристёгнутые к чёрному тонкому поясу.

Я совершенно случайно оказался посвящённым во все эти милые подробности. Кто-то босой ногой всё наступал мне под столом на кончик пальца и я, пропустив несколько рюмок водки, бросил вилку под стол и отправился в разведку. Результат превзошёл все ожидания. Я вылез, взглянул на Алису и решил, что ошибся. Скала. Сфинкс. Но – хорошо, вкусно кушает, ведёт с кем-то немногословную светскую беседу. Я снова кинул вилку под стол и вновь обнаружил чулок, пояс и дивную стопу, которая, освободившись от туфельки, однозначно со мной заигрывала.

Отключился свет. В те времена временами в республике не хватало электричества, и республика его экономила, отключая. Лазить под стол в таких условиях не имело смысла. Зажгли свечи. Осторожно рукой я поискал под скатертью чудеса телевидения. В тот вечер руками под столом я наделал много глупостей, которые, к моему изумлению, очень искусно и незаметно для всех

поощрялись. Я даже не припомню, обмолвилась ли, перекинулась ли со мною словом холоднокровная Алисочка, но, когда стали подавать экипажи, у меня, при взгляде на её невозмутимое лицо, не нашлось даже смелости о чём-то её расспросить.

Я провёл бессонную ночь. Кусал, конечно, подушки и пытался отделаться от неотступного видения стройных ног с помрачающим ум пространством белой кожи между чулком и поясом.

Несколько иначе всё сложилось после вернисажа в облдрамтеатре. Естественно, Алиса была там, брала свои интервью. Январь. Я взялся проводить телезвезду домой. Ну и холодрыга

была в тот вечер! Как-то сами собой ноги занесли меня с этой девушкой на новостройку, где обычно убивают и насилюют молоденьких женщин. Иногда – грабят. Я поступил хуже. Почему-то я был нахальный в тот вечер, наглый. Целовал Алиску, пробрался под пальто холодными руками к голому телу. Поднимаясь по лестнице в чёрном доме, мы ещё пару минут назад говорили об этнических чистках в Боснии и Герцеговине. И вдруг, как голодные звери набросились друг на друга. Губы слились, вспыхнув уже заранее, и я убедился, уже без телевизора, как прекрасно Алиса владеет своим русским языком. Нам не пятнадцать лет, и нужно было что-то делать дальше. В окна без рам и стёкол дул промозглый, как на похоронах Ленина, январский ветер. Тут же, из досок и кирпичей, я решился спешно соорудить внебрачное ложе. Надеюсь втайне, что вот-вот Алиса меня остановит, скажет: «ты, мол, сошёл с ума, это невозможно» – и затею с играми на открытом воздухе мы как-то отодвинем до лучших времён. Мне ещё показалось, что мы, мужчины, быстрее остываем на морозе, чем женщины. И с каждым мгновением всё больше крепла мысль, что не ложе я здесь громозжу, а сам себе эшафот. Виду, однако, не подавал, уложил последнюю, неструганную, обляпанную цементом, доску и шагнул к Алисе раздевать. Думаю: уж тут она точно расколется, скажет их традиционное «ты сошёл с ума», и мы спокойненько, как брат и сестра, разойдёмся по тёплым квартирам. «Ты сошёл с ума» – сказала Алиса, двигая бёдрами так, чтобы мне было удобнее стащить с неё не по сезону тонкие колготки...

Ага, увидели многоточие и уже все подумали, что запели соловьи, и облака поплыли в небе? То, что случается в советских фильмах, не бывает в советской жизни. В конце концов (я с ужасом это осознал) – в конце концов, дело дошло и до меня, настал мой черёд. «Ах, дева русская, как хороша на морозе!». Нет, не всё вы знали в этой жизни, Александр Сергеевич. Полуобнажённая русская дева на глазах остывала на занозистых досках, а я задубевшими пальцами пытался преодолеть рогатки и препоны в виде ремня и пуговиц на своих брюках. Когда справился, то не удивился даже, что ничего не нашёл. Хороший хозяин на такой мороз даже собаку не выгонит.

Может, сказать ей «я тебя люблю» – малодушно подумал я. Наверное, это было бы уже слишком.

Мы оделись и, как брат и сестра, разошлись по тёплым квартирам. Я, конечно, Алиску проводил.

Спустя пару вечеров, я с замиранием сердца включил телевизор, во время Алискиной передачи. Думал: может, умерла? Или – лежит под капельницей в реанимации, в занозах, с крупным обморожением белых своих плеч и ягодиц. Зря боялся. Алиска выглядела прекрасно и за сорок минут прямого эфира ни разу даже не чихнула.

Никто, даже Эйнштейн, не смог бы никогда понять природу женщин. Женщина – это вечное испытание мужчины, искушение, это его крест. Это природный катаклизм. Совершенный аппарат для продолжения человеческого рода и отрицания мужчины. Соединиться с женщиной – это самоубийство, но оно освящено небесами.

Прошёл год. Или три. По каким-то делам мне понадобилось лететь в Москву. Тогда это было просто и дешево. Вся страна каталась за тридцать рублей, куда угодно, а совсем уж бесшабашные романтики могли на одну зарплату пролететь от Бреста до Находки и купить себе колготки.

Лето. Ночь. Ярко освещённое поле аэропорта. Измученное накопителями собрание пассажиров топчется у основания трапа авиалайнера. Я уже где-то наверху, вот-вот благодетельная стюардесса пропустит в чрево. Самолёта. Оглядываюсь. Внизу роется в сумочке Алиска. Выходит, попутчица. Лёгкое, расклешенное платье. Налетел порыв ветра, Алискино платье оказалось легче других. Полыхнуло, взвилось, поясok удержал его на промелькнувшей талии

от окончательной потери владелицы. Толпа увидела стройные Алискины ноги в несоветских плавочках. Мужская часть пассажиропотока впала в приятное ошеломление. Остановись, мгновение, ты – прекрасно! Есть только миг между прошлым и будущим...

Нечего и говорить, что всю накопительную дремоту и утомленность с меня, как ветром, сдуло. Тем самым. Дожидаюсь Алиски, согласовываю места и маюсь дурью, всё представляя Алискины ноги, увенчанные безыдейной заморской ерундой.

Летим. Телезвезда в своём репертуаре. Холодна. Неприступна. Скала. Изваяние. Сфинкс. Она же – молодая красивая девчонка, у которой, как оказывается, под платьем практически ничего нет. Говорим сугубо о Моне, Мане и Ван-дер-Линдене. К счастью, у меня с собой оказалась настойка боярышника, которую я предусмотрительно перелил в экзотический французский пузырёк из-под одеколона. – Аргентинский бальзам – говорю. Изготовлен по старинным рецептам ацтеков. Помогает при полётах и от морской болезни. Алиска доверчиво пьёт. К семидесятиградусной настойке боярышника хорошо подходит шоколадка. Я подсовываю телезвезде шоколадку.

Айсберг потеплел. Заговорили о Генри Миллере. Оказывается, Алиска может смеяться. Это не смех. Это какая-то провокация, у всякого терпения имеются границы. Мои вот-вот лопнут. – Пошли в туалет, покурим, – зову я Алиску. Чинно и благородно мы выбираемся в проход между креслами! Думаю: если Алиска сейчас упадёт на длинный аэрофлотовский половичок – я за себя не ручаюсь. Потом – хоть потоп. Хоть – женюсь. Может быть.

Алиска не упала. Она дошла, и я втиснулся за ней в стоячий летающий туалет. И мы даже один раз долго и страстно поцеловались. Наверное, всё испортил боярышник. Этот проклятый аргентинский бальзам. Алиска вдруг побледнела, обмякла. У неё явно назревал бурный диалог с главным предметом обстановки нашего гнёздышка.

Я позорно попятился.

До конца полёта Алиска просидела в кресле молча, прижавшись лбом к холодному иллюминатору, и потом мы даже не встретились в Москве.

Алиска жила в однокомнатной квартире со своей глухой бабушкой. Я как-то к ней зашёл. Будто бы воды попить, или за Бодлером. Бабушка сидела на кухне, смотрела в окно, мы с Алиской – в соседней комнате. Если у вас с вашей девушкой уже есть опыт совместной биографии, вы уже не тратите времени на посторонние разговоры. Даже просто на разговоры уже времени не тратите. Оказываясь с Алиской тет-а-тет, я не оставлял мысли перевести наши отношения на качественно новый этап. Тем более что у себя дома айсберг вовсе не казался айсбергом. Передвигалась среди своих книжных полок в коротком байковом халатике тёплая, домашняя, доступная. И, если бы не бабушка... Она появлялась всегда неожиданно, всегда некстати. Обычно – именно в тот момент, когда я пытался употребить живой язык прикосновений. Она могла не выходить из своей кухни часами, но, стоило мне приблизиться к Алиске... Я, как ошпаренный, выдёргивал руки из таких мест, что и через месяц при воспоминании делалось невыносимо стыдно. Старуха была глухая, но не слепая. Судя по хохотку, она много ещё чего понимала.

Наверное, это был тот самый рок. И на этот раз – в виде бабушки.

Однажды на кухне сидел я. Алиска хлопалась в ванной. Бабушка скрутилась клубочком на диванчике в соседней комнате и, вместо окна, смотрела на телевизор.

Из ванной Алиска вышла не мокрой кошкой. Успела феном высушить длинные свои волосы, сделала укладку, обозначила, усугубила косметикой прелести молодого личика. Знают эти женщины, чем нас, будто бы непредумышленно, ранить. Им – лишь бы мы мучились. А с них самих всё – как с гуся вода.

Алиска вошла на кухню и остановилась, склонив голову, прислонившись к стене. За стеной сидела глухая бабушка. Я близко-близко подошёл к девушке, постоял возле несколько секунд.

Медленно, за пуговкой пуговку, расстегнул халатик до самого низа. Распахнул его, даже с плеч откинув слегка назад. Поправил пушистые волосы. И отошёл к окну. Сел на табурет. Боже! И за что ты для нас создал женщину?!

Это был самый безопасный секс в моей жизни. Бабка за стеной, на подсознательном уровне, контролировала ситуацию. Но я благодарен ей за это. Мы, мужики, всегда куда-то спешим, торопимся. Как будто, уже раздевши женщину, мы чего-то там не успеем. А нет бы – попридержаться коней, взглянуть на этот прекрасный дар, рассмотреть, оценить, попробовать на вкус глазами, дать мыслям пропитаться обликом вашего будущего наказания.

Потом момент будет упущен. Как после сытного ужина, букет самого дорогого вина сливается в один кислый или сладкий вкус.

Кстати ли – мне вспоминается один случай. Друг Павлик привёз из Молдавии, из села Трифешты, редкостное вино. И заглянул к Павлику то ли кум, то ли сват. Нет ли, – говорит, – у тебя, Павлик, чего-нибудь выпить? И Павлик, желая угодить гостю, налил стакан коллекционного, натурального молдавского вина. То ли кум, то ли сват опрокинул стакан, крикнул. – Ну, как, Вася? – спросил Павлик. – А я, – ответил кум, – *смактанул* – и всё. Я эти бормотухи пью *залпом*, стараюсь даже не нюхать...

Вот так и с женщинами. Коллекционное вино мы зачастую выпиваем залпом, как обыкновенную бормотуху.

Я помню Алиску, ту, возле стены, до сих пор. Я смотрел на неё со смешанным чувством желания, удивления, восхищения. Теперь я знаю – дело не в красоте. Не в том, какая грудь у Венеры. Какие бёдра у Данаи. Действительно ли так гипнотически действует на мужчин соотношение груди, талии, бёдер? Отчего обыкновенная девушка становится Венерой на картине художника? Может, оттого, что Бог дал ему Любовь, но, как неодолимое препятствие, поставил холст между ним и женщиной?..

И так ли всё просто – за стеной сидела бабка, и я увидел богиню?

А, между тем, передо мной стоял живой человек. Алиска. И она тоже смотрела на меня. И мне не хочется расшифровывать тот, Алискин, взгляд. Наверное, потому, что вряд ли самому мне будет это приятно. Всегда, чего бы ты ни наделал в жизни, выглядеть хочется лучше, чем ты есть в действительности. Даже в воспоминаниях.

Скрипнули половицы. Бабка пошла в туалет. Алиска запахла. Поставила чайник на газ.

Сентябрь тогда наступил, или уже октябрь – не помню. Бабье лето. Паутина на праздной борозде. Жёлтые и зелёные листья ещё одинаково плотно сидели на ветках. Горожане торопились донашивать свои летние туалеты. По вызывающе летнему наряду я узнал в потоке людей будто бы мою Алиску (или – некогда мою Алиску. Нет, прочтает – обидится. Ведь ничего не было. Просто – мою знакомую Алиску). По вызывающе летнему наряду я узнал в потоке людей мою знакомую Алиску. Стал тихонько идти сзади. Юбка славненько просвечивала, так бы шёл и шёл за ней на край света. Подойти, окликнуть – неудобно как-то. Года два не разговаривали, даже не виделись. – Вы не знаете, как пройти на Центральный колхозный рынок имени Забытых Одуванчиков? – решил, как в прорубь прыгнул. О! – что это был за взгляд! Не рублём, правда, одарила, но снисхождения где-то на 90 коп. оказала. Допустила, кажется, к царственной особе. Ничего страшного, идём, о погоде разговариваем. Но – странное ощущение. Как будто нас что-то и связывает, но это что-то – тонкое, как паутинка. Тонкая паутинка бабьего лета.

Шли, как – не замечали. О чём говорили – тоже не имело никакого значения. Но – осторожно всё. С боязнью разорвать, разрушить. Как по тонкому льду среди горячей агонии осеннего лета. Попадался ли на пути базар с переулком Безымянный? Возможно. Потому что

в руках у меня оказался огромный арбуз, который в такой необыкновенный день нужно было съесть обязательно красиво.

Через рощу разноцветных тополей мы вышли к речке Илек. Край города. Автотрасса. Поле песка и посередине ручеёк с тёплой водой – Илек. Едва ступили на песок, Алиска сбросила юбку, кофточку. Край города, в двух шагах – автотрасса. И плавочки остались. Не дикий пляж.

Среди лопухов, прямо на песке, острым сучком, я разорвал на куски арбуз, красное, сочное корейское чудо. Это был самый вкусный арбуз в моей жизни. Мы с Алиской окунали лица в хрустящую сахарную мякоть, не прожевав, целовались. Излишки сока текли по Алиске, я их собирал губами – и не было никаких излишков. Я кружил её на руках, я отнёс Алиску к тёплому ручью и там целовал, целовал, целовал. Импортные плавочки совсем растворились в воде, я увлёк Алиску на берег.

Никто не мешал. Ни бабка. Ни мороз. Ни одинокий путник. Я самовыражался, как мог. Даже Алиска мне не мешала. Мне бы остановиться... Забыл, что это *мы* для них, а не *они* для нас. Я выпил Алиску залпом...

Шли домой, и солнце уже садилось. Мне всё не терпелось услышать похвалы в свой адрес. Ведь я так старался. Ну, хотя бы самое обычное: «ах, ты совсем меня замучил».

– Ты совсем меня замучил, – тихо сказала Алиска и на ходу прижалась.

Мне хотелось слушать о себе, о замечательном, дальше. Я хотел подробностей. И Алиска сказала – да, ей было со мной хорошо. Когда мы ели арбуз, и когда я кружил её на песке.

Кто их поймёт, этих женщин.

Посреди города, у водоразборной колонки, мы остановились. Алиска ополоснула ноги, обула босоножки. Да, свои стройные, длинные ноги она мыла именно так: высоко обнажив сначала одну. Потом другую. И это было красиво, как среди серой степи тюльпан, как полёт бабочки. Короткий миг, когда возле меня стояла *м о я* Алиска, и мы были ещё вместе, но это уже не повторилось.

Наши пути больше не пересекались. Но ещё долго меня ловили на ходу на сходствах тёплые летние улицы, аэропорты, безрукие античные статуи. Алиска приходила ко мне в сны, и тогда пробуждение казалось жестокой несправедливостью.

Странно. Ведь жизнь, в принципе, сложилась вполне удачно...

23.11.99г.

Слюдяное – Мецзяковка.

Сатисфакция

В Доме культуры железнодорожников проводили КВН. Меня пригласили в состав жюри. Когда я пришёл исполнять обязанности, то увидел там Наташку Ильичёву. Она ходила по фойе рассеянная, расстроенная. Я узнал её не сразу. Наташка давно уехала из нашего города, ни слуху не было о ней, ни духу. А тут вдруг появилась собственной персоной. Модная, эффектная. Оказывается, заехала из столицы на пару дней и её, как звезду, пригласили в жюри на КВН. Наташка пришла, а ей, в самый последний момент, сказали, что произошла накладка, извините, нет уже у нас в жюри ни одной свободной табуретки. И правильно. Чему тут удивляться. Когда Наташка победила на областном конкурсе красоты, ей нужно было дать главе областной администрации Аслану Спулаевичу, а не корчить из себя девочку-недотрогу. Вот и аукнулось.

Подумаешь, горе – слегка унизили. Но Наташка переживала. Ходила по фойе, кусала губы. Грызла бы ногти, да нельзя. Ногти должны быть в форме. А губам ничего. Даже гимнастика. Массаж. Я подошёл. Сто лет не виделись – всё равно узнала. Как никак – друг детства. Даже сказала, что подождёт, пока я отжюрю, посмотрит на этот чёртов КВН, и после мы поболтаем.

Во время соревнований меня попросили заполнить каким-нибудь текстом паузу. Я взял микрофон, повернулся к тёмному залу. Сказал, что не вижу юмора в том, что участники любят рядиться в женские платья и говорить со сцены девичьими голосами. Такое ощущение, что меньшинство стало большинством. И вообще – ориентация, как и национальность – дело интимное и кричать об этом со сцены дурной тон. Молодежная публика, которая с радостью выла и свистела по поводу любой шутки, летящей со сцены, никакой реакции не обнаружила. Наверное, я ляпнул что-то не то. Может, кого задел. Никогда не знаешь, как твоё слово отзовется.

Наконец, всё кончилось. Я не остался на чаепитие с высокопоставленными членами жюри. Меня на выходе ждала Наташка. Ждала. Я думал – смоемся. Чай мы попили у неё дома. Наташка вышла к чаю в халате, запахнувшись настолько небрежно, что чай проходил в меня кусками. Я с трудом допил чашечку. Наташа... Она, смеясь, убегала от меня, ставя на моём пути то стул, то стол или тумбочка вдруг оказывались между нами. Халат на теле Наташки вёл себя очень свободно: оказывается, под ним и не было-то уже ничего. Кроме Наташки. Поймал. Обнял. Вот они, грудки красивые твои... Затихли у меня в ладонях. Насторожились. Я вдохнул запах твоих волос и чуть не закричал: так сильно я тебя, любимую, вспомнил...

* * *

Мы когда-то дружили с Наташкой. Как и полагается, я был от неё без ума, а она относилась ко мне с прохладцей. Пары людей не могут сосуществовать, если относятся друг к другу одинаково. Наташка, стерва, чувствовала, что неотразимо на меня действует. Посмеивалась, подшучивала. Заставляла исполнять свои всяческие капризы. Мне не всегда это нравилось. Иногда, даже совсем не нравилось, но я слушался. Мы большую часть дневного времени проводили вместе, мне нравилось на неё смотреть, а приблизившись, вдыхать запах её волос. Но где найти ту грань, за которую не захочет перешагивать ваша любимая, чтобы не сделать вам чересчур больно?

Кажется, что они, любимые, вообще не имеют представления о существовании болевого порога у мужчин.

Наташка изошрялась, не зная удержу. И я не понимал, зачем? За что? Ведь она не бросала меня. И каждый день, снова и снова она приходила ко мне. И вот однажды я не выдержал. Я понял, что дальше не могу этого терпеть. Что, если я сейчас же не найду выхода от пере-

полнявшего меня чувства несправедливости, униженности, оскорблённости, то я просто могу задохнуться. Конкретная причина, вызвавшая у меня все эти негативные эмоции, уже не имела значения. Я чувствовал, что изо дня в день меня к этому подталкивали, разными способами меня пробовали на излом, от меня ожидали взрыва. Уже после, когда я стал совсем взрослым, я понял, что это обычная ситуация, не нужно принимать всё так близко к сердцу. Женщина не успокоится, пока не дождётся взрыва. Ей нужен результат её же напряжённых трудов, она кропотливо капает на мозги и на всякие другие больные места неделями, месяцами. Женщине нужно видеть, как сорвался её мужчина, как он психует, крушит в доме мебель, матерится. На него можно тогда показывать пальцем соседям, как на взбесившегося шимпанзе и всем своим страдальческим видом говорить: «Зверь! Суший зверь! И я ещё с ним живу!...».

Место было вполне романтическое: травка, молодые клёны. Майская теплынь, солнышко сквозь листья. И, я уже не помню, из-за чего, что явилось последней каплей. Я не просто толкнул, я швырнул Наташку на траву и набросился на неё, да, именно, как зверь. Грохнувшись верхом к ней на грудь, я стал изо всех сил шлёпать её ладонью по голове. Тут ещё из глаз, совершенно не к месту, полились слёзы. Да, я вдруг заплакал навзрыд. И я ещё что-то кричал ей, мучительнице своей, которую я любил больше всего на свете, и которая ещё таким образом заставила меня испытать страдания.

Вообще, настоящие мужчины, когда бьют женщин, не плачут. Молод я тогда был ещё...

Наташка потом встала, отряхнулась, оправила голубое платице и ушла в своих и в моих слезах. Мы не встречались дней десять. Потом незаметно помирились. Если мужчина бьёт любимую женщину, и она его прощает, то это не оттого, что у них, у женщин, такое доброе, всепрощающее, сердце. Во-первых, она знает, что сама виновата. Во-вторых – ей нужно готовить мужчину к следующему взрыву, а для этого необходим определённый период затишья и совместной жизни.

Если вы уже били женщину, с которой знакомы или дружите, то это указывает на определённую у вас с ней степень близости. Может быть, это даже больше, серьёзнее, чем близость половая. Подающий надежды тележурналист Олежка Спивак-Лавров однажды пнул ногой под зад на улице одну из своих поклонниц. Зима, мороз с ветром. Она, чтобы понравиться, в тонких колготках и в дублёнке, которая заканчивалась где-то на животе. Летела плашмя вперёд руками по гололёду – сзади метель поднялась из снежинок. Неизвестно, как бы девица оценила способности Олежки, окажись они в постели, но тут она однозначно не могла сказать, что ничего не почувствовала.

С Наташкой мы помирились. А, поскольку нас уже связывало что-то большее, чем дружба, я стал уговаривать Наташку окончательно мне довериться и отдаться. Аргументы были более чем убедительными: «Я тебя люблю» и «Тебе будет хорошо». На уговоры ушёл примерно год, но я всё-таки своего дождался. Однажды мы с Наташкой остались наедине в квартире, где, кроме стола и стульев ещё была и кровать. Мы легли в кровать поговорить, и я снова, по привычке, так, на всякий случай, сказал: «Я тебя люблю, тебе будет хорошо». Наташка сняла трусы. Сошлись, видать, звёзды и все знаки зодиака. «Ух, ты! Подумал я...». И снял свои. Потом, собственно, было дело техники, а вот с ней у меня было слабовато. Всё-таки, в первый раз. Я влез на Наташку, которая слегка раздвинула ноги и безразлично смотрела в потолок. Ей бы в тот момент стакан семечек. Но мне было некогда заботиться об её досуге, я заглянул вниз и увидел предмет своих вожделений. Как я представлял, мне туда нужно было войти. Войти было чем: уже с полчаса мой первичный половой признак торчал гвоздём и требовал успокоения. Ну, я и вонзил его в Наташку острым концом. Против ожиданий он никуда не вошёл. Я ткнул ещё раз, другой, третий. Посмотрел на Наташку: «Тебе хорошо?». «Да», – ответила она, морщась. Я опять посмотрел вниз: да, вот она, девичья складочка, никаких волос, всё очень хорошо видно. А вот и я: прямо в эту складочку упёрся, вот-вот сломаюсь. Для порядка я

ещё немного туда потыкался и с Наташки слез. Немного полежали. Разговаривать было вроде не о чем. Я чувствовал, что сделал что-то не так. Даже, как будто, ничего не сделал, а, если чего и сделал, так это – обидел девушку. И даже больше чем тогда, когда бил по голове.

Конечно – в первый раз. Откуда я знал тогда, что нужно ниже. Попросил бы Наташку больше раздвинуть ноги и ткнулся бы ниже пальца на два. Она бы послушалась. Я же обещал ей, что сделаю хорошо...

Вскоре пришли мои родители. Они с родителями Наташки ходили в кино, и нас оставили вместе, чтобы нам не было страшно. Я ходил тогда во второй класс, Наташка – в первый...

* * *

...Я вдохнул запах твоих волос и чуть не закричал: так сильно я тебя, любимую, вспомнил...

Тут я проснулся. Палата, капельница, полумрак. Колоть меня уже некуда, медсестра вечером нашла годный ещё сосуд на левой ноге, под ногтем большого пальца, пристроила капельницу. Боли я не почувствовал. Есть-таки плюсы в моём теперешнем состоянии.

Сестра дремлет в углу на кушетке.

Врачи боятся, что умру. Наверное, не исключено. Возраст. Говорят, человек столько живёт, сколько времени сохраняют активность его мозги. Если судить по моим снам, то мне ещё жить да жить. Сквозь годы мчась...

Сны и реальность, когда становятся воспоминаниями, одинаково недоступны, а по яркости впечатлений могут даже соперничать.

Мне нельзя волноваться, но я осторожно, чтобы не разбудить медсестру и чтобы не умереть, сосредоточился и, задерживая дыхание, позволил себе тихонько усмехнуться: «А, всё-таки, я добился тебя, Наташка!...».

24.12.03 11:03

Муж

Жену изнасиловали. Какой ужас!

Представьте: у вас тёплая, уютная квартира. Хрустальная люстра, камин и первые месяцы совместной жизни с любимой женщиной. Первые сладкие, красочные, безумные месяцы.

Кровать не остывает, вы не успеваете поесть, вам некогда даже сходить в туалет. Вы дождались и дорвались. Вы безраздельно владеете и обладаете. Пока у вас ещё нет друзей, знакомых, с которыми вы дружите семьями. Это будет потом. Пока вы владеете и обладаете, и вам этого достаточно.

И вот представьте ещё. Как-нибудь к вам в квартиру звонит какой-то тип и просит переговорить пару минут с вашей супругой на лестнице. Она согласна, она, да, выходит, а потом через пару минут возвращается в слегка разорванном халате, и долго не выходит из ванной.

Вы в постели, которая не остывала у вас два месяца, а ваша жена, неизвестно по каким причинам, закрылась и не выходит из ванной.

Потом она выходит. Да, это был её бывший муж. Она не хотела, но он такой дурак, он такой сильный. Он так её любит, и очень соскучился. Но она, правда, не хотела. Всё случилось помимо её воли.

Да, конечно, нужно обратиться в суд, пусть его посадят. Ну, надо же – такой дурак! Весь грязный, помятый, но уже неделю не пьёт. Пусть его посадят в тюрьму.

Потом она ещё раз забегает в ванную, ложится к вам в постель, но что-то не клеится, мысли о разных глупостях, в том числе и о бывшем муже, который пришёл и изнасиловал вашу жену.

Что вы можете сделать? Звать на помощь дружинников? Обратиться к следователю, прокурору? Кому вы можете рассказать про свою беду?

А в постели, которая временами стала по углам промерзать, у вас снова и снова не клеится. Ваша жена – у неё уже прошло несколько синяков на груди и на бёдрах – ваша жена начинает плакать. Она начинает требовать, чтобы вы непременно обратились в суд, к адвокату, куда угодно, но так продолжаться не должно. У неё кашель. Она простудилась в кровати. Вы идёте к адвокату, параллельно записываетесь на приём к сексопатологу.

АДВОКАТ: но он же муж? Да, конечно, бывший. Муж?.. Нет, ну, напишите заявление. Хорошо, мы напишем вместе, триста рублей. Но он, говорите, муж?.. Бывший... Муж?..

СЕКСОПАТОЛОГ: Дышите. Не дышите. Лягте. Встаньте. Не ешьте мяса. Не ешьте хлеба. Спиртного не пейте. Воды поменьше. Я бы на вашем месте вообще повесился. Триста рублей. Мальчики не интересуют?

Ваша жена в истерике. По ночам вы представляете те две минуты, когда тот, который, хоть и муж, но ведь она, правда, не хотела. И две минуты вам кажутся вечностью. И они повторяются каждую ночь на экране закрытых шторок ваших век.

И вы добиваетесь суда. И в зале собираются незнакомые люди, которым вы с женой рассказываете, как всё произошло. Потом рассказывает она сама. – Да, – отвечает она на вопрос. – И здесь. И здесь.

А присяжные не поймут, в чём дело. Они, конечно, с интересом выслушивают, как всё происходило. – Как? На вас даже не было трусиков?! А он – ваш муж? Ну да, бывший. Ну, и что же вы хотите? В тюрьму? Мужа? Ну да, бывшего. За что?..

Не понимают даже судьи. Адвокат защищает вяло, он сам не верит, что ваше дело правое. Бывший муж молчит. Он сидит, опустив почерневшее лицо в чёрные же свои руки. Он ничего не помнит.

Суд удаляется на совещание и не приходит. Одна из присяжных попросила у бывшего мужа телефончик. Вас уже никто не замечает. Вы никому не нужны и не интересны.

Вы приходите домой, садитесь на маленькие стулья в спальне. Вы смотрите на кровать, вы боитесь к ней подойти.

Она покрылась инеем и кажется, что он не растает никогда.

14.09.95г.

Мера любви

Я любил тебя. Любил пылко, страстно, сильно. Так не любят. Так не хотят. Это была болезнь.

Я так хотел, чтобы ты мне изменила. Изменила. Изменила. Изменила. Потому что я сильно и страстно любил тебя. А так нельзя.

От женщины можно сбежать, когда она тебе изменит. Когда изменяет. Замечательный повод! Не подошли характерами. Наскучили тела. С другим, наверное, интереснее. Как узнать, если не попробовать, как с другим?

Я тебя любил. И у меня не было выхода. Уйти, бросить, самому переключиться на какую-то другую женщину, я не мог. Я знал, что это получится у тебя.

У тебя получилось. И так здорово, что даже я не ожидал. Это была и не измена вовсе. У тебя с ним ничего не было. Если не считать... Да, если *этого* не считать, то ничего, конечно, не было. И ты ему рассказала, как любишь меня. Единственного своего и неповторимого. Неповторяемого. Если не считать, то это была и не измена вовсе. А, впрочем, что нас связывало? Чем мы были обязаны друг другу? Встретясь – шутили. Шутя целовались. Ничем не обязаны. В мире каждую секунду рождаются и гибнут тысячи связей. Шутя, ты рассказала мне про эту свою почти не связь. Взахлёб, с восторгом и радостью, как только можно рассказывать самому близкому человеку.

Я не упал, не умер. Со мной не случилось истерики. В конце концов, я сам этого хотел. Во рту что-то пересохло. Почему не попить водички? Воды целый графин. Я сам этого хотел. Я представлял, как мне будет легко. И руки и ноги развязаны. То было какое-то чувство вины: обманул – и не женюсь. Ну, в конечном счёте, всё равно выходит, что обманул. А тут – прекрасный случай: вот видишь, сама виновата. Ай-ай-ай, какая бессовестная! И у меня и руки и ноги развязаны. И никакого чувства вины.

Но я тебя любил. Оказалось, что любил, даже с развязанными ногами. Как бы я ни прятал, как бы ни скрывал это от самого себя, я любил тебя. Почему-то я чувствовал, что, хотя 40 лет, это ещё не предел, а, если и предел, то не последний, но... как будто должно было что-то, самое дорогое, потеряться безвозвратно, и я должен отвернуться, не заметить, и даже забыть, что оно у меня было.

Потом ты плакала, говорила, что то, что случилось, совсем не случилось. А любишь ты меня. Но мне-то была какая разница. Мне нужно было тебя бросить, и я дождался уважительной причины. Ах ты, бессовестная! Изменница. А я – свободен. Как пень. Как перст. Как сокол. Хочу – к Людке пойду. Хочу – к Нинке Васильевой. Пока ты плакала, мучаясь угрызениями совести, я ходил по бабам. Самый простой способ разлюбить, забыть женщину – это поспать, либо позаниматься бессонницей с другой женщиной. Я завлёл женщину, кинулся на неё спать, но у меня ничего не вышло. Я думал, что это какая-то ошибка, и кинулся ещё и ещё. Женщина нормальная. Прекрасные пропорции. Совершенная, гладкая кожа. Глубокие глаза. Она мне говорила: «Что с вами?», да, она была ещё и молода, как ты, называла меня на «вы». Была внимательна, тактична и терпелива, даже без меры. Ведь, всё равно, у меня ничего не получилось. И не могло. Я тебя любил. Я любил тебя.

Во всём виновата была, конечно, ты. Сучка проклятая. Проститутка. За всё, что сам я с тобой сделал, я злился на тебя. Тогда, когда у меня ничего не получилось, я побежал к тебе. Я всё-таки побежал к тебе. Я вырвал тебя из тёплого гнезда твоих родителей и трахнул тут же, в подъезде, стоя, осыпая ругательствами и проклятьями.

И были ещё встречи, короткие и безумные, как прыжки в пропасть. Был какой-то восторг предсмертия любви, её сладострастная агония.

Расстались обычно. Так, как обычно расстаются навсегда. Ты выходила замуж. У тебя была новая любовь. И я благодарил Бога, что, в сущности, всё кончилось так благополучно. Ты определена. И я, наконец-то, свободен.

Когда любовь, когда эта жгучая страсть, покинула моё тело, моё сознание, я, конечно, смог опять зажить спокойной, размеренной жизнью одинокого сорокалетнего мужчины. Который неподконтролен, никому ничего не обязан. Который встречается с женщиной, когда ему нужна женщина и давит в огороде колорадского жучка в промежутках времени, когда женщина не нужна. Когда захотел – выпил. И постирал себе носки, когда захотел.

Через пару лет моей прекрасной независимой жизни я встретил тебя в скверике Туглук-батыра. Коляска, ребёнок. Хороший ребёнок. Хохотун, весь в тебя. Но увидел меня, и ему захотелось плакать. Потом, дома, я посмотрелся в зеркало. Что-то, действительно, было в облике жалостное. И я подумал, что, видимо, на всё в жизни отпускается какая-то мера. Зла, терпимости, добра, здоровья. Мера любви. Я много, беспорядочно влюблялся. И мне везло на удивительных, замечательных, прекрасных женщин. Они безоглядно доверялись моим обманчивым восторгам. И, благодаря им, я прожил много мучительно-счастливых и разных жизней. А с тобой что-то сломалось. После тебя. Там, в сквере, среди фраз о быте, семье и погоде, я вдруг случайно запнулся. Всё было хорошо. Светило солнце. В коляске играл ребёнок. А в больших твоих глазах, если заглянуть туда глубже, оставалась на всю нашу с тобой, уже разделенную, жизнь, твоя любовь первая, и моя – последняя.

17.06.93г.

Любимая, спи

Ты сидишь в нашей маленькой кухоньке, прижав колени к подбородку. Тонкий халатик. Длинные, стройные ноги. У нас сегодня в квартире Менандр, делает мойку, и ты должна с ним переспать. И ты сидишь, прижав к подбородку свои стройные ноги, и наблюдаешь за качеством исполнения работы.

Менандр мастер. Народный умелец. Его отец только потому и смог выйти из тюрьмы в 53-м, что у него были золотые руки. Менандр в отца. И посадить его не должны. Потому что и отцы нашего города, и даже его матери, ценят Менандра и любят.

К нам Мастер-Золотые-Руки зашёл из уважения к моей жене. Когда-то они вместе учились, и когда-то моя Адель сказала ему, что он совсем не может целоваться, что он её обслюнявил. Я же целовался очень хорошо, сухо, Адель влюбилась в меня без памяти, и мы отсчитывали первые дни сладкого медового месяца.

Медовый месяц без мебели всё равно, что цыган без лошади, и тут к нам пришёл Менандр, и ты должна была с ним переспать, и следила на кухне, чтобы работа того стоила. Я не какой-нибудь ханжа и не ретроград. Я понимаю, что нам без мойки стыдно будет даже на люди показаться, а нужен ещё встроенный шкаф, Менандр поговаривает о какой-то шикарной стенке в гостиную. Он разделся до красных плавок, поёт под нос песню про двухметрового негра знаменитого поэта Токарева, строгаёт и пилит, а я подаю ему инструменты, потому что я не ретроград, и нам ещё нужна стенка.

Он приходит ещё и раз, и другой. Подгонка деталей заняла много времени, но мойка, действительно, разместилась между газовой плитой и стеной, как влитая. В заключение Менандр вскакивает на неё ногами и танцует, чтобы показать, насколько прочной получилась конструкция. Я не ретроград, я тоже радуюсь, как и Адель, что мойка у нас теперь не хуже, чем у Иван Петровича.

Менандр моет руки ацетоном, затем идёт в душ. Я держу полотенце, Адель накрывает на стол. Менандр хорошо держится и после третьей, и после четвёртой. Адель улыбается ему и ходит по квартире уже без халата: ей очень понравилась мойка. – Она у тебя классная девочка – это я узнаю от Менандра и киваю ему головой. Он придёт вечером, чтобы получить за свою мойку.

И вечером раздаётся звонок. В дверях появляется Менандр. Коньяк, цветы, запах одеколона. Я одеваюсь и выхожу на улицу. Зажглись фонари. Девушки и юноши шли парами. КАК КРЕПКО ОН ДЕРЖИТ ЕЁ ЛАДОНЬ В СВОЕЙ!

Скоро в моём окне погаснет свет. Я достал сигарету, закурил. Спи, любимая, спи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.